

ПУБЛИКАЦИИ

Г. В. Бежанидзе

О ДОКУМЕНТАХ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО ПО ДЕЛУ О КАЗАНСКОЙ ИКОНЕ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

Предлагаемые к публикации материалы — донесение святителя Филарета в Святейший Синод¹ и его последующее письмо обер-прокурору Синода² — взяты из синодального дела «Об оглашаемой чудотворною иконе Казанския Божия Матери, находящейся в Московском Симонове монастыре».

Эта икона стала известной, после того как в 1832 г. после молитвы перед ней исцелилась купеческая дочь Наталья Венедиктовна Жмаева. После этого и других, происшедших впоследствии чудесах, был сооружен отдельный придел в честь Казанской иконы, в котором эту икону предполагалось поставить на месте храмовой. Но во время строительства придела до Синода дошли сведения о том, что в Симоновом монастыре начали раздавать иконы с надписью «образ Казанския Божия Матери, что в Симонове». Кроме того, в это время в Симоновом монастыре явилась еще одна икона — Святителя Николая, о которой стали говорить как о чудотворной.

Вследствие сего в 1834 г. в Синоде началось дело о иконах Казанской и Святителя Николая Симонова монастыря, которое закончилось тем, что Казанскую икону было запрещено поставлять как храмовую в новом приделе, а икона Святителя Николая была изъята из церкви Симонова монастыря и помещена в синодальную ризницу.

В 1838 г., после донесения святителя Филарета в Синод о продолжающемся особом почитании Казанской иконы в Симоновом

---

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 119. Д. 61. Л. 64–75.

² Там же. Л. 85–87.

монастыре, в Синоде начинается новое дело о Казанской иконе. Это дело тянулось до 1844 г., когда икону все же разрешили поставить как храмовую в устроенный для нее придел, но с запрещением переносить ее в теплый храм на зимнее время и поднимать в монастырских крестных ходах.

Публикуемое донесение в Синод от 14 июня 1844 г. является последним донесением митрополита Филарета по этому делу, в котором он некоторым образом подводит итог долго тянувшемуся синодальному процессу. Побуждением к его написанию послужило особенное чудо исцеления от иконы девятилетнего сына протестанта, незадолго перед этим принявшего православие³. Через два дня после отправления данного донесения в Синод святитель Филарет послал письмо с тем же содержанием к исполняющему обязанности обер-прокурора А. И. Карасевскому (Н. А. Протасов был в это время в заграничной командировке)⁴. Однако, несмотря на поддержку обер-прокурора, который после своего возвращения настоятельно напоминал Синоду о необходимости рассмотрения донесения митрополита Филарета, оно было заслушано лишь 10 ноября 1844 г., протокол был подписан 21 ноября, а обер-прокурором протокол был пропущен 24 ноября 1844 г. Согласно данному определению, Казанскую икону разрешалось поместить как храмовую в сооруженной для нее церкви, но запрещалось переносить в холодную церковь и носить в крестных ходах до особого разрешения⁵. Однако Казанский придел как раз и находился в

---

³ «Примечательное обращение к православию малолетнего Эберта поставило меня в обязанность донести и сем Святейшему Синоду, и с тем вместе, по связи с сим происшествием, возобновить во внимании Святейшего Синода обстоятельства дела о иконе Божией Матери, по явлению именуемой Казанскою, особенно чтимой в ставропигиальном Симонове монастыре», — писал святитель исполняющему обязанности обер-прокурора А. И. Карасевскому 19 июня 1844 г. (Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам: В 5 т. СПб., 1887. Т. Дополнительный. С. 143).

⁴ Это письмо опубликовано, но с неточностями, которые затрудняют восприятие мыслей святителя настолько, что даже сами издатели поставили знак вопроса в тексте письма (см.: Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. Дополнительный. С. 133–143).

⁵ Там же. С. 143–144.

холодной церкви, и, чтобы Казанскую икону поставить в нем как храмовую, ее естественно необходимо было перенести в холодную церковь.

«Весть о Казанской, — писал митрополит Филарет А. Н. Муравьеву 13 декабря 1844 г., — не так удовлетворительна, как Вам кажется. Ее позволили поставить в созданный для нее храм, но запретили переносить в холодную церковь, а устроенный для нее храм есть холодный придел при холодной церкви. Как же исполнить предложенное? Если поступить наудачу: перенести в холодный храм и не переносить обратно в теплый, для богомольцев будет неприятнее теперешнего. Если увидите преосвященного митрополита Иону, прошу свидетельствовать ему искреннее мое почтение и благодарность за воспоминание о мне и, может быть, небесполезно сказать ему о затруднении, в которое мы поставлены решением, данным по непредставлении в справке сведения, имеющегося в делах Св. Синода»⁶.

Однако затруднение было связано не столько с формальным противоречием синодального определения. Синод, очевидно, не желал менять своего прежнего решения о запрете переносить икону, что, по мнению синодальных членов, может быть понято как признание иконы чудотворной. Неслучайно в синодальном определении от 24 ноября 1844 г. было подчеркнуто, что «как при самом начале, и в продолжении настоящего дела, Святейший Синод встречал неправильные действия настоятеля Симонова монастыря архимандрита Мелхиседека... непосредственно распорядиться, чтобы икона перенесена была на предназначенное место, во время между литургией и вечерней, без особенной церемонии и предварительного оглашения»⁷.

Посему публикуемое письмо митрополита Филарета к обер-прокурору от 18 декабря 1844 г., где святитель показывает необоснованность синодального запрета переносить икону, не привело к изменению синодального решения.

Данное письмо было предложено обер-прокурором синодальному присутствию уже 9 января 1845 г., но заслушано оно было

⁶ Письма Митрополита Московского Филарета к А. Н. М. 1832—1867 гг. Киев, 1869. С. 148—149.

⁷ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. Дополнительный. С. 143.

лишь 17 декабря 1845 г., уже после освящения придела и перенесения туда Казанской иконы⁸. Никаких изменений в прежнем синодальном определении не последовало⁹.

В 1872 г. в своей статье, посвященной Казанской иконе Симонова монастыря, Н. Розанов пишет, что икона занимает место в иконостасе с левой стороны от Царских врат. В зимнее время она переносится в теплую трапезную церковь и там поставляется в приделе на левой стороне трапезы в особо устроенном для нее в иконостасе киоте¹⁰.

Предлагаемые документы представляют интерес, прежде всего потому, что показывают отношение святителя Филарета к особенному народному почитанию некоторых икон.

Во-первых, митрополит Филарет отмечает, что «всякая св. икона должна быть благоговейно чтима, по возведению сего почтения к первообразному». Тем самым святитель подчеркивает то, что не сама по себе икона представляет предмет поклонения, но это поклонение должно восходить к Богу и Его святым. Это немаловажное уточнение было особенно необходимо тогда, когда народное почитание возбуждалось лишь вследствие чудес, происходящих от икон. «Я видел, — писал митрополит Филарет к обер-прокурору С. Д. Нечаеву относительно Казанской иконы Симонова монастыря, — как народ во время Литургии, оставив алтарь, стоит кругом иконы в стороне. Если сего внимания народа нельзя прекратить: лучше бы оно относилось к храмовой иконе и к алтарю вместе»¹¹.

Кроме того, по мнению святителя Филарета, так как всякая икона, по вере и благодати Божией, может быть чудотворною, «следственно власть духовная на благоговение ко св. иконе всегда может взирать, как на законное, а открытие в ней качества чудотворности предоставить вере, преданию и особенному устройению

---

⁸ 25 июня 1845 г. Казанская икона была перенесена в построенный для нее придел, который был освящен святителем Филаретом 26 июня 1845 г. (см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 61. Л. 88–91).

⁹ См.: Там же. Л. 84, 92–93

¹⁰ *Розанов Н.* Чудотворная икона Казанская Божией Матери в Московском Симонове монастыре // Душеполезное чтение. 1872. № 6. С. 194.

¹¹ Переписка Филарета, Митрополита Московского, с С. Д. Нечаевым. СПб., 1895. С. 198.

провидения Божия». Вследствие сего, для того чтобы чтить всякую икону как чудотворную, не нужно формального исследования и определения церковной власти как в отношении останков святых, «потому, что не святые и от церкви не свидетельствованные гробы за святыню чтить было бы суеверно и душевредно; а икону и не свидетельствованную и не объявленную чудотворною благоговейно чтить всегда справедливо и душеспасительно». Факт же установления некоторым иконам особенных памятей святитель объясняет не канонизацией данных икон через определение церковной власти, а преданием веры и тем, что чудеса от этих икон относились ко всей Русской Церкви и отечеству.

И, наконец, святитель Филарет замечает, что формальное исследование церковной власти необходимо лишь в случае опасности распространения ложных чудес от икон. «В представлении о возвращении в Симонов монастырь иконы святителя Николая, — писал митрополит Филарет А. Н. Муравьеву в 1834 г., — также не вижу того, что Вам видится, т. е. ни моего смирения, ни победы архимандрита, с которым я не думаю сражаться. Я открыл Св. Синоду действие неправильное и сомнительное. Св. Синод распорядился как требовала справедливость и предосторожность. Потом неправильное действие удержано, подлога не открылось, я даю мнение прекратить предосторожность, в которой нет необходимой надобности. Если худо провозглашать вымышленное чудо, худо также не признавать и действительного исцеления. Сперва я заботился, чтобы не было первого худа, потом остерегаюсь, чтобы не было второго»¹².

Публикуемые документы представлены в архивном деле в писарских подлинниках за подписью святителя Филарета. При публикации сохранены некоторые особенности орфографии и пунктуации оригинала.

---

¹² Письма Митрополита Московского Филарета к А. Н. М. 1832–1867 гг. С. 10.

Донесение святителя Филарета Святейшему Синоду по делу о Казанской иконе Симонова монастыря

Святейшему Правительствующему Синоду

От Члена Оного, Филарета
Митрополита Московского

Доношение.

Сего 1844 года, мая 30 дня, московской Успенской, что в Кожевниках, церкви священник Сергей Иванов донес мне, что 20 дня того же месяца, цехового Ивана Эберта девятилетний сын Егор, крещенный и воспитавшийся в лютеранском вероисповедании, по сердечному его желанию, с дозволения родителя, присоединен к православной церкви и св. миром помазан.

В приложенной при донесении священника подписке, которою отец присоединяемого обязался воспитывать его в православии, он, между прочим, о сыне своем Егоре написал следующее: «с 1843 года был весьма болен, а с 1844 г. одержим был падучею болезнью, сопровождаемую сильными корчами, от каковой болезни пользован был в течение сего года в больнице детского приюта доктором Кронбергом, также другими докторами, но никакого пособия от них не получил. Итак, не видя никаких «средств к освобождению его от сей болезни со стороны человеческой, «собственным» сердечным его влечением присоединиться к грекороссийской церкви убедил он меня присоединить его к оной церкви, дабы он сам с верными чадами ее просил у Всемогущего от своей болезни исцеления».

Посему поручено мною священнику присоединенного в православии утвердить и обратить внимание на последствия относительно упомянутой в подписке отца болезни отрока.

2 июня священник Иванов, в донесении ко мне, написал следующее: «он, Георгий, как сам говорит, так и родители его свидетельствуют, одержим был с прошлого 1843 года, а особенно нынешний год, жестокою падучею болезнью, сопровождаемую сильными корчами в руках и ногах, от каковой болезни весь состав его телесный до такой степени был разрушен, что когда я, по чиноположению, присоединял к православию, он без поддержки

другого решительно не мог даже одной минуты стоять, не падая. По окончании присоединения, он отведен был в дом родителей, и пробыл у них три дня, то есть, до 23 дня мая, в продолжение коих, по сказанию самих родителей, болезнь означенная так сильно поражала его, что непрерывно, «днем и ночью, припадок следовал за припадком, с страшными конвульсиями; 23 ж мая, как сказывают родители, он начал в молитве прибегать к Иисусу Христу, и особенно, по какому-то непостигаемому для них влечению, возымел неперенное желание, дабы они отвезли его в Симонов монастырь, имея в виду, как он сам говорит, повергнуться там в молитве пред образом именуемым Казанския Богоматери, и просить у Ней исцеления от своей мучительной болезни, с которого числа по сие время он там и находится, в устроенной вне монастыря гостинице, где я сего июня 1-го дня был, и, к удивлению моему, нашел его не только без помощи другого ходящим, но и быстро бегающим; припадки же, по сказанию его самого и сиделки, при нем находящейся, дней восемь тому назад, совершенно окончились, так как бы уже и следов болезни никаких незаметно, кроме того, что во время ночного сна, раза два в ночи делается в нем самое легкое содрогание, им самим неощущаемое. Между прочим, я спрашивал его: отчего ты, живя здесь, столь скоро получил облегчение от болезни или тебя каким лекарством лечат? Он отвечал: ничем кроме того, что хожу каждый день к вечернему, утреннему богослужению и к литургии, и молюсь особенно пред образом Казанския Богородицы, и из лампы, пред ликом Ее горящей, сиделка моя берет масло, которым всего меня мажет на ночь, от чего я замечал, что оно для меня от моей болезни целебное врачевание».

О сем происшествии долгом поставил я довести до сведения Святейшего Синода.

При сем полагаю, что сей случай возлагает на меня обязанность обратиться к обстоятельствам дела об особенно чтимой в Симонове монастыре иконе Божией Матери, по явлению именуемой Казанскою, которое производилось в Святейшем Синоде и в московской синодальной конторе¹, и по которому неоднократно даны были мне от Святейшего Синода поручения.

¹ Ставропигиальный Симонов монастырь состоял в Синодальном управлении через Московскую синодальную контору, причем его архимандрит имел в служении некоторые отличительные особенности: служение литургии при открытых царских вратах, выходы к служению и из церкви со звоном,

Икона сия начала быть особенно чтима с 1832 года, в котором, августа 21 дня, тамбовская купеческая дочь, девица Наталья Жмаева², при сей иконе получила исцеление от ран на руке и от обмороков. Девица сия, сколько известно, вела странническую жизнь, потому что, по любви к девству, принуждена была скрыться из дома родительского во время приготовления ее к браку. Где находится она ныне, неизвестно.

О сем происшествии от Симонова монастыря начальству в свое время донесено не было, и возбужденное к сей иконе народное усердие довольно долго не сопровождалось никакими действиями со стороны начальства, потому что не открывалось ничего незаконного. Число приходящих для молитвы в Симонов монастырь возросло: но как сие происходило в тишине и порядке, то и не требовалось никаких особенных распоряжений начальства.

встречу с напрестольным крестом на блюде и пением входной, посох с сукном (*Евстафий (Романовский)*, архим. Московский мужской ставропигиальный Симонов монастырь. М., 1867. С. 26).

² Девица Наталья Венедиктова Жмаева из Тамбовской купеческой семьи в самый день своего сговора, оставив семью, ушла в тамбовский Вознесенский девичий монастырь, где в детстве обучалась рукоделию. Но так как монастырь был не общежительный, а девица Наталья не имела собственных средств для существования, она терпела там крайнюю нужду и даже помышляла о возврате в семью. Для разрешения своих недоумений она обратилась к преподобному Серафиму Саровскому, который благословил ее на странничество по святым местам с упованием на Бога. После четырехмесячного странствия у Жмаевой от простуды появились язвы на руках и ногах и были обмороки. В 1832 г. она пришла в Москву, где жила у разных людей, пыталась попасть в больницу, где ее не приняли как не имеющую паспорта. Писала она к матери, но ответа не получила. Во время одного из обмороков у нее было видение монаха с иконой Богородицы в некоей монастырской церкви, который предсказал ей исцеление от иконы. Через некоторое время, в августе 1832 г., она случайно попала в Симонов монастырь, причем узнала монастырскую церковь, а среди портретов почивших старцев обители — монаха, явившегося ей с иконой. Это был иеросхимонах Алексий, известный старец Симонова монастыря, почивший в 1812 г. Вскоре после сего старец Алексий вновь явился девице Наталье, указал ей местонахождение иконы и повелел передать настоятелю монастыря, чтобы икона была поставлена у царских врат. 21 августа Жмаева рассказала о своих видениях архимандриту, который позволил ей искать образ и отслужить перед ним молебен, после которого она выздоровела (см.: О Казанской чудотворной иконе Божией Матери в Московском Симонове монастыре. М., 1900. С. 3–11).

В 1834 году усердствующие, пожелавшие остаться неизвестными, в честь сей иконы пожелали при соборной церкви Симонова монастыря устроить каменным зданием особый придельный храм. О сем представлено было Святейшему Синоду без изъяснения особых обстоятельств, относящихся к сей иконе: и просимое разрешено указом Святейшего Синода, от 8 мая 1834 года.

Между тем дошло до сведения Святейшего Синода, что в Симонове монастыре раздаются иконы с надписью: «образ Казанския Божия Матери, что в Симонове». Поелику, таким образом, к признанному в церковном уставе наименованию чудотворной иконы присоединялось другое произвольно, то, по словесному совещанию членов Святейшего Синода, поручено было мне, находившемуся тогда в Петербурге, чрез московского vicария, поставить на вид Симоновскому настоятелю³, что сего делать не следует. В то время, как сие исполнялось, представилось сведение о другой в Симонове иконе святителя Николая, при которой получили исцеление три странницы. Сим последним обстоятельством возбуждено более заботливое внимание; и мною донесено было особенно о сем происшествии Святейшему Синоду, с изъяснением, что относительно иконы Пресвятыя Богородицы Казанския огласившиеся сведения не представляли ничего такого, что вело бы к заключению о разглашениях напрасных. Вследствие сего, по указу Святейшего Синода, производилось в московской синодальной конторе дело не только о иконе святителя Николая, но и о иконе Пресвятыя Богородицы Казанской.

Синодальная контора, рассматривая дело о сей иконе, открыла только ту неправильность, что икона поставлена была, несогласно с обычаем православной церкви, на столе под балдахином, закрывая собою царские двери придела; и что, в противность указа 1744 года и местным правилам, выносима была в частный дом без разрешения начальства. Но как такое поставление иконы немалое время было уже в виду народа, то, чтобы возвратить оное к принятому в православной церкви порядку, синодальная контора находила удобным воспользоваться устройением вышеупомянутого предела, дабы перенести в оный икону, и поставить у царских врат храмовую, чего и устроители желали, и чрез что прежнее поставление естественно уничтожилось бы, как ненужное.

³ Архимандрит Мелхиседек (Сокольников), настоятель Симонова монастыря с 10 февраля 1821 г. по 26 марта 1851 г., скончался 9 января 1853 г.

Синодальная контора представляла, между прочим, Святейшему Синоду, «что действительность некоторых происшествий при сей иконе ограждена свидетельствами, довольно уважительными, как, например: необыкновенных припадков Параскевы Васильевой очевидными свидетелями были игумения и сестры Никитского монастыря, в котором она была под епитимиею, а бесприпадочное состояние, в которое вошла она после продолжительного моления в Симонове монастыре, при иконе Пресвятыя Богородицы Казанския, очевидно само собою; ибо она и теперь (1834 г.) в виду».

Святейший Синод, в указе 1-го Февраля 1835 года, приняв в основание Духовного Регламента пункты 7 и 8, предписал не дозволить перенесения означенной иконы Казанския Божия Матери во вновь устрояемый в таковое же наименование придел и поставления там ее храмовою; поставить же ее в теплой церкви не подле царских врат⁴.

Устроители сего придельного храма (сколько известно, некоторые из почетных граждан города Кашина), в надежде, что предписанные Святейшим Синодом меры предосторожности будут прекращены, когда усмотрено будет, что не делается ничего в противность прописанного в указ узаконения, здание оно довершили внешним и внутренним устройством, но к освящению оно не приступают донныне, в ожидании милостивого разрешения Святейшего Синода⁵.

⁴ Данное синодальное постановление вызывало недоумение святителя Филарета, хотя он принимал его со смирением. «По Симоновскому делу будем ожидать, что Бог пошлет чрез Начальство, — писал он к обер-прокурору С. Д. Нечаеву в феврале 1835 г., — да поможет Он нам исполнить повеленное к миру и к пользе; и неприятное принять, как закон Христов повелевает виновным и невинным принимать прещения Начальства. Если за начало принята мысль, что сделать икону храмовою, значит признать ее чудотворною: то начало сие не твердо. Большая часть храмовых икон не суть чудотворные и многие чудотворные не суть храмовые... Да и не бывало, чтобы рассуждали и делали определение признать икону чудотворною... икону всякую чтить можно и должно... Если икона окружена подлогами: то не надобно ей оставаться в церкви. Если нет препятствий оставлять ее в церкви: то она входит в общий круг церковных икон, из коих всякая может быть храмовой» (Переписка Филарета, Митрополита Московского, с С. Д. Нечаевым. С. 193–194, 198).

⁵ «Из числа случаев, которые печально мне видеть, — писал по этому поводу к своему духовнику святитель Филарет в июне 1835 г., — укажу на один. Помнится, я писал Вам, что известную икону Пресвятыя Богородицы в Си-

В 1837 году г. шеф корпуса жандармов, генерал-адъютант, граф Александр Христофорович Бенкендорф, относился ко мне о доходящем до него сетовании разных лиц, что икона сия не переносится летом в холодную церковь и не носится в крестных ходах, бывающих около монастыря.

Почему, в 1838 году, от 7 января, представлено было мною Святейшему Синоду:

а) Что особенное молитвенное усердие к сей иконе продолжается и, по временам, приходят в известность, со всеми признаками истины, оказывающиеся над притекающими к сей иконе благодатный и благотворный действия, о чем однажды и Святейшему Синоду мною донесено, по прошению получившей исцеление.

б) Что сделанное запрещение переносить икону сию летом в холодный собор, выносить в крестные монастырские ходы и поставить храмовую в приделе, для нее усердствующими построенном, подлинно сопровождается сетованием и удивлением, потому что всякую икону, стоящую в церкви, всегда позволяется и переносить из холодной в теплую церковь, или обратно, и храмовую в новосозданном приделе поставить, и в местные крестные ходы около церкви или монастыря носить; а потому сих действий, дозволительных для всякой иконы, возбранение для одной, чтимой с особенным усердием, представилось и непонятным и при-
сorbным.

монове Св. Синод запретил переносить из теплой церкви в холодную. В день заложения колокольни я принял на себя разрешить, чтобы она принесена была в соборную церковь на литургии и несена была на место заложения. Недавно архимандрит пишет ко мне и просит разрешения нести оную икону в крестный ход около монастыря, 26 дня сего месяца там бывающий, и иметь ее в соборе на литургии 8 июля. Я обращаюсь к Владыке (митрополиту Серафиму. — Г. Б.). Отвечает: ни за что не соглашусь. Представляю убеждения; разрешаю его возражения: ничто не помогает. Кончилось тем, что я написал архимандриту, что не отрицаюсь от прежнего разрешения, которое дал я в моем присутствии, но теперь, когда архимандриту не дальше до Св. Синода, как и до меня, почитаю сие дело не надлежащим до меня, но до Св. Синода. Мне кажется печальным знамением, что мы, не усиливаясь сами подвинуть людей к Богу, не отверзаем пути и тогда когда Бог Сам простирает благодеющую руку и являет силу Свою чтобы привлечь их к Себе» (*Филарет (Дроздов), свят.* Письма к преподобному Антонию, наместнику Троице-Сергиевой Лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. Ч. 1. С. 110).

в) Что поелику прошло уже не мало времени после того, как определением Святейшего Синода предписаны были, относительно сей иконы, меры испытания и предосторожности против неосновательных разглашений, и поелику таких случаев, которые бы требовали сих мер, не открывается: то, по моему мнению, при настоящем случае, благовременно рассмотреть, не время ли уже принятые прежде меры испытания прекратить, к утешению благочестиво усердствующих, и к успокоению смущаемых недоразумением причин необыкновенного распоряжения.

При указе Святейшего Синода от 23 июля 1842 года препровождены были ко мне, с предписанием о рассмотрении и заключении, два прошения: первое — дочерей генерал-майора девицы Новицкой и майорши Купреяновой, и второе — почетного гражданина Бабкина⁶, которые просили дозволить им поднять из Симонова икону Казанския Божия Матери, для молебного пения в домах их. Посему, на основании указа Святейшего Синода, 1744 года, апреля 6, представлено было мною Святейшему Синоду, что в просьбе почетного гражданина Бабкина, принесенной во время его болезни, можно удовлетворить, даже не в пример другим, по уважению того, что он есть весьма усердный сын церкви единоверческой и храмоздатель единоверческой кладбищенской церкви; а по другой просьбе, в которой о болезни не упоминалось, чрез духовного отца изъяснить просительницам, что с благоговением и смирением сообразнее будет им самим принять труд идти на поклонение иконе Божией Матери⁷.

---

⁶ Когда святитель Филарет узнал о желании И. С. Бабкина, он после предварительного совещания с членами Синода митрополитами Киевским Филаретом (Амфитеатровым) и бывшим Экзархом Грузии Ионой (Василевским) написал архимандриту Симоновскому Мелхиседеку, чтобы он «сделал просимое тихо, не в пример для других случаев», по причине предубеждения по этому вопросу Петербургского митрополита Серафима. Однако, по свидетельству митрополита Филарета, архимандрит пожелал положиться не на его слова, а на подпись секретаря Московской синодальной канторы. «Согрешихом, беззаконовахом. Прииде кротость на ны и накажемся», — горестно восклицает по этому поводу святитель (*Филарет (Дроздов), свят.* Письма к епископу Виталию (Шепетеву). М., 1887. С. 66, 68).

⁷ Данное донесение датировано 24 сентября 1842 г. Подлинник с подписью святителя Филарета см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 61. Л. 42–42об. Донесение опубликовано: Полное собрание резолюций Филарета, Митрополита Московского. М., 1914. Т. 5. Вып. 1. С. 97–98.

При указе Святейшего Синода, от 31 июля, 1842 года, препровождена была ко мне, с предписанием о рассмотрении и заключении, всеподданнейшая просьба дочери надворного советника, девицы Кавелиной, которая, между прочим, испрашивала: «разрешить икону Казанския Пресвятыя Богородицы в Симонове».

На сие представлено было мною Святейшему Синоду следующее:

Если прошение, повелеть разрешить икону Казанския Пресвятыя Богородицы в Симонове принять в том разуме, что сим испрашивается снятие положенного Святейшим Синодом запрещения поставить ее в устроенный для нее придел, переносить, сообразно с временем года, из одной церкви в другую, и выносить в крестные ходы собственно около Симонова монастыря: то сия часть всеподданнейшего прошения, по моему мнению, может быть удовлетворена, и сие представляется сообразным с обстоятельствами.

Если же во всеподданнейшем прошении разуметь разрешение торжественно именовать икону чудотворною, то сия часть прошения, по моему мнению, не подлежит удовлетворению:

1) потому, что о чудотворениях формальное и полное исследование не было произведено, по непредписанию о том от Святейшего Синода;

2) потому, что нет в виду ни церковных правил, ни примеров, чтобы какая-либо икона, посредством формального исследования и определения, провозглашаема была чудотворною. Что некоторые иконы чудотворными наименованы в святцах, сие произошло не по суду и определению власти, но по преданию веры, и в особенности по случаю чудотворений, относившихся ко благу всея церкви и отечества, и требовавших учреждения особых празднеств. Причиною такого действия церковной: власти должно полагать то, что и всякая св. икона должна быть благоговейно чтима, по возведению сего почтения к первообразному, и всякая, по вере и благодати Божией, может быть чудотворною: следственно власть духовная на благоговение ко св. иконе всегда может взирать, как на законное, открытие в ней качества чудотворности предоставить вере, преданию и особенному устройению провидения Божия, в исследование же входить только о действиях противозаконных злоупотреблениях, когда примечаются признаки оных. Пример церковных исследований и определений о но-

воверяемых св. мощах не может быть приложен к св. иконам: там необходимо нужно исследование и решение потому, что не святые и от церкви не свидетельствованные гробы за святыню чтить было бы суеверно и душевредно; а икону и не свидетельствованную и не объявленную чудотворною благоговейно чтить всегда справедливо и душеспасительно. Во многих местах России обретаются многие св. иконы, более или менее, давно, по вере и местным преданиям, чтимыя, яко чудотворные. Если бы о каждой подвергнуть исследованию вопрос: действительно ли чудотворная, в сем оказалось бы несравненно более затруднений, нежели нужды и пользы⁸.

Невоспоследование по вышеозначенным просьбам и представлениям как утвердительного, так и отрицательного разрешения Святейшего Синода⁹ показывает, что окончательное решение оставляется еще в зависимости от продолжаемого усмотрения последствий тех мер предосторожности, которые предписаны указом Святейшего Синода, от 1 Февраля, 1835 года.

Приведенные в сем указе пункты Духовного Регламента показывают, что меры предосторожности предписаны по опасению суеверий и разглашения ложных чудес.

---

⁸ Данное донесение датировано 24 сентября 1842 г. Подлинник с подписью святителя Филарета см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 61. Л. 43–47.

⁹ Первое синодальное заседание проходило 22 декабря 1842 г., но ввиду отсутствия на нем митрополита Серафима рассмотрение донесений святителя Филарета было перенесено в ожидании мнения Петербургского митрополита, но он через месяц после сего, 17 января 1843 г., скончался.

Через год, 22 декабря 1843 г., уже при новом митрополите Новгородском и Санкт-Петербургском Антонии (Рафальском) дело о Казанской иконе вновь рассматривалось и вновь было отложено (см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 61. Л. 48–61). Вероятно, это произошло из-за позиции первенствующего члена Синода, о которой пишет в январе 1844 г. митрополит Филарет своему духовнику: «...скажите мне Вашу мысль касательно вызова, чтобы писал к владыке Новгородскому о иконе. Симонов не моего ведомства. Когда меня спрашивали, я сказал свое мнение не раз; докучать еще: не будет ли то же, что вмешиваться в чужое дело? Ответ владыки, кажется, только отклонительный. Ибо ему несколько раз говорено, что мое мнение в Синоде есть, и ему легко спросить. Притом вот как он поступает с моими письмами: я написал ему о богословии св. Иоанна Дамаскина; дело, кажется, архиерейское; но он не отвечал мне, а написал ко мне обер-прокурор, что ему передано мое письмо, и дал мне сведение о деле. После сего, кажется, моя обязанность — не писать» (*Филарет (Дроздов), свят.* Письма к преподобному Антонию, наместнику Троице-Сергиевой Лавры. Ч. 1. С. 314).

В девять лет, протекших от сего указа, ни благочинным ставропигиальных монастырей, ни другим кем-либо не представлено, чтобы относительно иконы, о которой идет дело, разглашаемы были ложные чудеса или распространяемы суеверия.

Создание неизвестными для сей иконы особого придельного храма, и столь долговременное отсрочивание освящения его, за неполучением разрешения поставить ее храмовою, есть сильное свидетельство особенного к сей иконе усердия, каковое в подобных случаях возбуждается особенными благодеяниями Божиими. Достойно примечания и то, что храмоздатели в безмолвии так долго ожидают милостивого разрешения Святейшего Синода, не употребляя особенного искательства. Сия черта не показывает людей, склонных к разглашению ложных чудес, но просто верующих, преданных воле провидения Божия и послушных церковной власти.

Отзыв шефа жандармов, о доходившем до него сетовании разных лиц, что икона сия не переносится летом в церковь, в которой совершается тогда соборное богослужение, свидетельствует также, что существует особенное к сей иконе народное усердие.

То же свидетельствуют принесенные Святейшему Синоду прошения разных лиц о поднятии сей иконы в дома. Особенного внимания достойна просьба единове́рца Бабкина, который в болезни, от которой после и скончался, изъяслял к сей, недавно сделавшейся известною, иконе особенное усердие, несмотря на преобладавшее в нем, по его образу мыслей, расположения ко всему старинному.

Пример исцеления, полученного при сей иконе, изложенный в донесении синодальной конторы, огражден твердыми свидетельствами. Недавнее происшествие с малолетним Эбертом также не представляет разгласителей, имеющих какие-либо собственные виды. О нем говорят родители отрока, лютеране, и приходской священник, действующий по должности.

Все сии обстоятельства убедили меня вновь благопочтеннейше представить на благоусмотрение Святейшего Синода, не признаю ли будет за благо, к утешению верующих, употребление донны мер предосторожности и испытания признать ныне достаточным и разрешить: означенную икону Божией Матери поставить храмовою в созданном для нее храме, переносить из теплой церкви в холодную, и обратно, по времени года, и, если рассудить настоя-

тель, в бывающие около монастыря, по церковному уставу, крестные ходы, носить оную с прочими храмовыми иконами.

Вашего Святейшества
Недостойный послушник
Филарет, Митрополит Московский

14 июня 1844 г.

Письмо святителя Филарета обер-прокурору Святейшего Синода по делу о Казанской иконе Симонова монастыря

Сиятельнейший Граф.
Милостивый Государь!

Московская Святейшего Правительствующего Синода Контора слушала указ Святейшего Правительствующего Синода, коим по прочем предписано: 1) находящуюся в Симоновом монастыре икону Божией Матери поставить храмовой в сооруженной для нее Церкви; 2) церковь сию, до ныне не освященную освятить по чинопоследованию... 4) По поставлении иконы, не переносить ее в холодную церковь и не носить в крестных ходах, впредь до особого разрешения.

По справке в Конторе Святейшего Синода оказалось: в донесении Синодальной Конторы Святейшему Синоду, от 9-го февраля 1834 года № 167 прописано было что Симоновский Архимандрит Мелхиседек донося сей Конторе, что вверенного ему монастыря ризница состоящая близ Соборной Церкви Успения Пресвятой Богородицы, на северной стороне, тесна, посему необходимо нужно пристроить ризницу гораздо обширнее и на правой южной стороне в симметрию устроить придел, с тем, чтобы престол был в оном во имя Пресвятые Богородицы Казанския. Какое построение Святейшим Синодом и разрешено было. Из чего усматривается, что придел во имя Казанския Божия Матери находится не при теплой, а при холодной Соборной церкви Симонова монастыря, икона же Казанския Божия Матери поставлена в теплой церкви в приделе Ксенофонта и Марии как донесено было и сем Святейшему Синоду от Синодальной Конторы 1835 года февраля 15 дня за

№ 4. по сему Синодальной конторою положено: указам Святейшего Правительствующего Синода предписано в пункте 1-м находящуюся в Симоновом монастыре икону Казанския Божия Матери поставить храмовую в сооруженной для нее церкви, во 2-м церковь до ныне не освященную, освятить по чиноположению, в 4-м по поставлении иконы не переносить ее в холодную церковь. Но как 1) из справки видно, что устрояемый в имя Казанския Божия Матери храм находится не при теплой, а при холодной Соборной Церкви, будучи и сам холодным, следственно с исполнением первого пункта указа было бы соединено отступление от четвертого пункта оногo; 2) к освящению храма Казанския Божия Матери к которому по справедливости и приличию должны быть приглашены соиздатели оногo, по нынешнему зимнему времени приступить неудобно, то в ожидании удобного времени к исполнению предоставить мне отнестись об оказавшемся по справке к Вашему Святельству на тот конец, не признано ли будет нужным предложить Святейшему Синоду об иконе Казанския Божия Матери не представленную Ему как видно справку, что устроенный для сей иконы храм находится не при теплой, а при холодной Соборной церкви.

Исполняя поручение Синодальной Конторы, долгом поставляю к усмотрению и соображению присовокупить, что если бы исполнение указа Святейшего Синода устроить так, чтобы икона перенесена было в холодный предел к его освящению и потом уже не было переносима в теплую церковь, то от сего произошло бы большее настоящего затруднение для богомольцев, в принесении пред сею иконою молитв в зимнее время и для братии обители в служении молебнов, тогда как и служение литургии в холодной церкви по причине зимнего холода, прекращается; и сие то самое было причиною, что в представленном мною прежде сего мнении упомянуто было о перенесении иконы из теплой церкви, где она стоит ныне на лето в холодный для нея устроенный предел и обратно.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Святельства
Милостиваго Государя
Покорнейший слуга
Филарет, Митрополит Московский

18 декабря 1844 г.